

Сентябрь 2002 г.

Письмо Ирины от 3 сентября 2002 г.

Папа, привет!

10-го я прибываю в Москву в 16.08 11-м вагоном.

Последние новости с Портовой: после некоторого затишья по телефону объявился некий тип с предложением о встрече по поводу продажи квартиры. Якобы все документы на квартиру у него, и Гриша что-то подписал на продажу ранее. Гришина родственница встречаться с кем бы то ни было опасается, а восстановление документов практически пока на нуле. Ко всему она со своим спутником посещают евангелистскую церковь, в воскресенье были на службе у нас здесь и завели какие-то знакомства. И уже кто-то им обещает содействие.

Чёрт те что! Поскольку никакие родственники даже с Гришиной стороны не имеют права претендовать на наследство при наличии завещания на конкретное лицо, то никаких действий предпринимать и не стоит. У меня с этой историей давление стало падать, в воскресенье я дома попыталась Тимку с антресоли снять и в обморок грохнулась. Хочу уже хоть в Тамбов, хоть на Колыму отсюда!

Пока, целую. Ирина.

Этому письму предшествовал телефонный звонок Ирины из Калининграда, из которого я узнал, что отец Гриши – Василий Иванович приезжал и уехал, с сердцем плохо стало. Видимо, от впечатлений от Гришиного состояния. На Гришиного сына Сашку, тоже приехавшего, напали сзади и избili так, что он в больницу попал с сотрясением мозга. На смену Василию Ивановичу приехала его жена – Татьяна Николаевна (Гришина мачеха) с неким помощником, их и упоминает Ирина в своём письме. Ирина общалась с Татьяной Николаевной и навещала Сашку в больнице, за что меня по телефону благодарила Люся – Сашкина мать, бывшая Гришина жена, которая спит и видит, как бы эту квартиру заполучить, а Гришу куда-нибудь упечь. В общем, жуть сплошная...

16 сентября 2002 г.. 12.30 LT, Blue Marine Residence, Lido del Sole, Italy

Пишу у бассейна, где тётки занимаюсь аэробикой в воде под зажигательную итальянскую музыку, очень темповую.

А вот и вчерашний артист вылез, бритоголовый, тощий, очень темпераментный, масовик-затейник местный, диск-жокей, игру теперь затеял – снять с ходу пинг-понговский шарик с бутылки правой рукой, закрывая правый глаз левой рукой. Мало у кого сразу получается.

Но вернёмся на несколько дней назад.

Итак, вечером в воскресенье **8-го сентября** я отправился из дому на поезд №15 «Арктика» Мурманск-Москва с двумя сумками пешком, поскольку троллейбус сразу не подвернулся, ждать-стоять не хотелось, а времени у меня было предостаточно. И вот первая неприятность – натёр большой палец левой ноги краем босоножки, чего никак не ожидал – такие они мягкие, удобные. Сашуля советовала мне их дома поносить, чтобы ноги притёрлись, а я не послушался – они, мол, и так мне нигде не жмут, не давят. И вот – на тебе. Ещё на правой ноге мизинец не зажил, который я в Питере натёр новой кроссовкой, а тут свежая мозоль. Ну, ладно, переживём.

Ехал я в купе с молодой парой, с ними не общаясь, читал скопленные к поездке последние номера «МН» и «АиФ» попеременно с самоучителем итальянского языка, проходимого по второму разу.

В Москву прибыл **10-го** рано утром, в 6.39, перебрался на метро с Ленинградского на Павелецкий вокзал. Сдал вещи в камеру хранения и пошёл прогуляться, разведать, где RCI находится. Оказалось, совсем рядом, они перехали из

Ривер Сайд комплекса поближе, на эту сторону водотводного канала. Купил в магазине банку пива, пошёл обратно на вокзал, чтобы позавтракать там остатками еды, взятой в дорогу. Устроился, чтобы начать, и тут обнаружил, что пива-то у меня нет, оставил в магазине. Сдачу взял, сложил в кошелёк, а пиво оставил на прилавке.

<Перебрались от бассейна, где очень печёт, к морю, где ветерок приятно обдувает.>

Вернулся в магазин. Вижу – пиво моё стоит на прилавке там, где я его оставил.

- Девушка, - говорю. – Вы будете смеяться, но это моё пиво.

- Да, да, - отвечает, - я не стала убирать, подумала, может, вернётся.

Возвращаться с пивом на вокзал я не захотел и пристроился на Шлюзовой набережной, где и позавтракал яйцами с салом и помидорами, запивая пивом.

До открытия RCI погулял у Москвы-реки. Жуткий (говорят, рекордный) смог этой осени от сплошных лесных и торфяных пожаров, кажется, начал понемногу рассеиваться благодаря тому, что ветер с юго-восточного сменился на западный, но всё равно мгла над утренним городом позволяла, не щурясь, смотреть на солнце, а ближайшая высотка с трудом просматривалась.

Но вот конторы открылись. Я проник в RCI Travel. Подтверждение моего заказа на машину пришло. Я заплатил деньги и получил на руки ваучер, по которому в Неапольском аэропорту мне должны были оформить договор аренды и выдать машину. Фамилия моя, правда, была указана как MAMGALADZE, но к этому не привыкать.

Теперь мне предстояло скоротать время до 16 часов, когда прибудет поезд из Калининграда, которым в Москву приезжает Ирина, не захотевшая поехать с нами в Италию из-за сложностей оформления визы и решившая вместо этого съездить в Тамбов, чтобы встретиться с братом, и в Питер, куда вроде бы и Милочка собиралась. В Тамбов мы с ней должны были отправиться этим вечером в 22 с чем-то одним поездом в соседних вагонах.

До отъезда в Тамбов Ирина хотела сходить куда-нибудь на концерт, и я решил разведать театральную обстановку в центре – побывал у Большого, Малого, Ермоловой, и пойти вечером было куда, но начало всех спектаклей было в 19, а окончание – после отправления нашего поезда. С билетами проблем не было – только плати, но я не решился куда-либо их брать заранее – посоветуюсь с Ириной.

А времени до её приезда ещё оставалось достаточно, и меня осенило – не сходить ли в «Новый Мир», узнать как там мои «Записки». Рукописи ведь не рецензируются и не возвращаются, и если мой шедевр им не подходит, надо бы его забрать – жалко распечатанного-то!

Где находится редакция «Нового Мира», я знал приблизительно: в районе Пушкинской площади, недалеко от «Московских Новостей». Оказалось – с тыльной стороны кинотеатра «Россия» (или как он там сейчас именуется?), как подсказал мне какой-то мужик у газетного киоска (киоскерша же не знала).

К кому попали мои «Записки», я понятия не имел, но некая дама в отделе прозы нашла ссылку на них в регистрационном журнале и сообщила мне печальную весть:

- Знак минус стоит. Это значит – не подходит, к сожалению.

- А кто читал? – поинтересовался я.

- Завотделом прозы – Руслан Киреев.

К Кирееву, точнее, к его творчеству я симпатий никогда не испытывал, и общаться с ним по поводу «Записок» меня не тянуло.

- Может, мне в отдел публицистики к Роднянской обратиться? – предпринял я слабую попытку оттянуть прощание с «Новым Миром».

- Нет, нет, она такие большие рукописи не читает.

- Ну, что же поделаешь? – вздохнул я. – Забрать-то рукопись можно?

- Да, да, конечно. Вот, пожалуйста.

Дама порылась в шкафу и вытащила мои «Записки», сшитые в папке со скоросшивателем.

Я вышел на улицу, конечно, огорчённый. Но, как ни странно, не столько (или, по крайней мере, не только) тем, что рукопись отклонили, а тем, что моя сумка существенно потяжелела. Вот ещё не хватало - лишнюю тяжесть таскать! Куда же её девать? В Тамбов везти, а потом в Италию? Кому-нибудь из детей отдать? Им тоже сейчас лишние тяжести ни к чему. Домой надо отправить по почте, вот что, тут же и Центральный телеграф неподалёку.

И тут меня осенило во второй раз за этот день: а не забросить ли мой труд в «Знамя»? Пусть хотя бы почитает его там кто-нибудь.

17 сентября 2002 г. По возвращении из Роды Гарганико.

Но где редакция «Знамени» находится? А вот же рядом Библиотека им.Чехова, зайду-ка и попрошу последний номер «Знамени», там наверняка адрес указан. И действительно: на углу М.Бронной и Б.Садовой. Посмотрел по плану Москвы, как туда пройти прямее, пошёл и ... промахнулся – вышел на другой конец Малой Бронной, у Никитских ворот. Пришлось по всей Малой Бронной пробежаться, а времени-то до Иринкиного поезда всё меньше остаётся.

В приёмной ответственного секретаря редакции «Знамени» меня направили в отдел прозы на предмет определения жанра моего сочинения, там я и оставил свой труд у одного из редакторов отдела прозы, если не ошибаюсь – Ольги Васильевны Труновой (или у Елены Владимировны Хомутовой?).

Я с ходу честно признался, что пришёл из «Нового Мира», где мой опус не приняли, и вот теперь хочу попытаться счастья в «Знамени».

- «Знамя» ведь либерально-западнического направления, а «Новый Мир» - либерально-почвеннического...

Редактор поморщилась:

- Мне эти ярлыки не нравятся.

- Ну, условно, конечно. Вот у меня тут есть сопроводилка для «Нового Мира», могу оставить, другую некогда писать. Сам я из Мурманска и сегодня уезжаю.

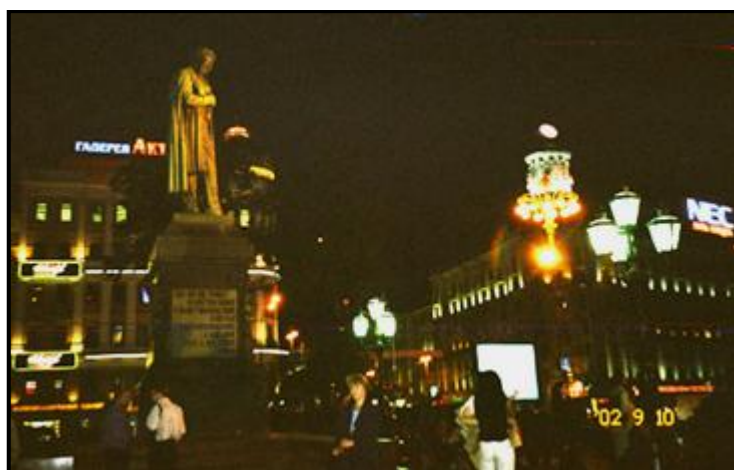
Редактор сказала мне, что никаких сопроводилок им не надо, оставляйте, мол, текст, сами разберёмся. Я всё же счёл нужным несколько слов про «Записки» и про себя сказать, и, как мне показалось, некоторый интерес к моей фигуре у дамы появился. Она попросила меня оставить интернетовские адреса моего творения и мои координаты. Обещала уведомить о результате и дала понять, что в лучшем случае можно рассчитывать на публикацию фрагментов, если и содержание, и форма моего произведения им покажутся приемлемыми.

Мы расстались с любезностями, и я почувствовал облегчение – моральное и, в прямом смысле, физическое: сумка существенно полегчала.

В начале пятого я встретил Ирину на Белорусском вокзале, мы отвезли её сумку в камеру хранения на Павелецком и поехали в центр, где просто погуляли, болтая, съели какую-то фигню с пивом на Пушкинской, и так скоротали время до тамбовского поезда, причём Ирина мне ещё и палец ноги починила – мозоль пластырем залепила.

Вместе с Ириной, кстати, в Москву воротилась из Калининграда Татьяна Николаевна – мачеха Гриши Костюченко (жена его отца, Василия Ивановича, уехавшего из Калининграда с разболевшимся от Гришиного состояния сердцем) и её молодой спутник. Гриша с добытыми как-то документами в последний момент вырвался от них, почуввав, что и тут за ним, точнее, за квартирой охотятся (Люся, разумеется), и решил, похоже, предпочесть бандитов, которые, по крайней мере, не пытались лишить его последней радости, а напротив, охотно спаивали его

Сын его, Сашка, остался с ним, его документы опять пропали – в последний момент перед отъездом Татьяны Николаевны. Короче, бред какой-то...

Ирина на Пушкинской площади в Москве, 10 сентября 2002 г.

А перед Павелецким вокзалом несколько добрых молодцев вершили якобы рекламные акции ОРТ и НТВ, всучивая пакеты с наборами каких-то подарков за небольшую доплату, и когда я от такого счастья отказался, один из деятелей раздосадованно обозвал меня «тормозом»:

- Ну и тормоз ты, блин, мужик...

В Тамбов поезд прибыл рано утром. Нас встречали Сашуля и Митя с Леной. Как ни странно, шёл дождь, и погода была вполне осенней. Квартира, а теперь, точнее, две квартиры Кашеваровых находятся в доме на центральной Интернациональной улице, идущей прямо от вокзала, в 10-15 минутах ходьбы от него.

Работа в новой, только что купленной двухкомнатной квартире кипела вовсю, делался её полный евроремонт, одновременно распродавались почти все вещи из старой, трёхкомнатной квартиры и покупались новые для новой. Митя непрерывно бегал за всякими недостающими деталями саноборудования на рынок, Лена руководила работами на месте, Лидия Анатольевна принимала покупателей распродаваемого добра.

Новая квартира предназначалась для неё, старую предполагали сдавать, уже было найдено кому. Приехавшие гости не облегчали, разумеется, ситуацию, но Митя с Леной считали необходимым встретиться, чтобы обсудить все неясности отношений с нами и с Ириной.

Ирина уже в Москве начала излагать мне свои опасения насчёт того, что Митя, будучи прописанным в Калининграде, может претендовать на свою долю в приватизации квартиры, а, значит, и Лена – его жена теперь, может оказаться собственницей части квартиры, которую и уведёт, когда бросит Митю ради богатого иностранца. Она была уверена, что брак Мити с Леной долго не просуществует. Лена, мол, сама ей говорила, что Митя не герой её мечты. И вообще к Лене Ирина была настроена весьма критически, даже агрессивно, я бы сказал.

19 сентября 2002 г. На пляже нашего курорта в Лидо дель Соле.

Из Мурманска я привёз сушёные грибы и кусок своей сёмги солёной в фольге и бумаге. Вопреки моим опасениям сёмга прекрасно доехала, несмотря на 2,5 суток пути, включая отопление в поезде и жару в Москве. Я был рад, что сёмгой угодил всем, единственно Митя особых восторгов не высказал, но он практически к любой рыбе прохладно относится – ест, но и только.

После завтрака, когда дождь почти перестал, прогулялись до Цны и ближайшего монастыря на ней с синими куполами, после обеда смотрели фотографии и книжки-альбомы в то время как хозяева сутили по ремонту и распродаже старой мебели и прочего барахла.

И, наконец, наступило время ужина, затянувшегося на всю бурную ночь выяснения отношений, начатого в нашей с Митей летней переписке. Лидия Анатольевна тактично покинула застолье сразу как только этот тяжёлый и, увы, сумбурный разговор начался.

Начал его Митя. Он и Лена представляли как бы одну сторону, я, Сашуля и Ирина – другую, но Ирина, впрочем, не всегда была на стороне родителей, да и вообще вела себя на грани приличия (или даже переходя её), срываясь на вскрикивания и рыдания.

Крутилось всё, как и в переписке, вокруг проблемы взаимоотношений детей и родителей, преимущественно в форме претензий к нам, не давшим, например, как выяснилось, своим детям никакого полового воспитания.

Митя, по словам Лены, якобы никакого понятия о женском менструальном цикле не имел, во что нам с Сашулей, конечно, трудно было поверить, но чёрт его знает... Мы уже сошлись с Сашулей в том мнении, что любознательность нашего сына в детстве была какой-то однобокой – «За рулём», география, потом химия, но не до такой же степени! Что касается полового воспитания, то и мы в своих семьях его не получали, тогда в Союзе это не было принято у большинства населения, но неграмотными себя не считали, находя необходимые сведения хотя бы в БСЭ. И в отношении собственных детей вполне полагались на их догадливость и любознательность, а уж Митя-то вообще созрел в эпоху информационного взрыва, когда, казалось, именно от секс воспитания или секс обучения прямо деваться было некуда. Просто не тянуло его к этому, видимо, на другое либидо расходовалось.

Лену, однако, эти наши объяснения не удовлетворяли, и она то и дело восклицала:

- Как это, как это? Как так можно? – помирая от изумления перед нашей дикостью, так что я разозлился даже:

- Ну чего кудахтать-то столько по этому поводу! Как это, как это? Вот так это, чего теперь-то волноваться? Что - вам в эпоху интернета информации о половой жизни не достаёт? Или с родительским опытом хотите познакомиться?

Ну, поделились немного. Были, естественно, и у нас проблемы, вполне обычные в молодых семьях, неполная взаимная удовлетворённость поначалу, а потом притёрлись, поняли, как надо друг другу радость доставлять, хотя и не всегда получалось даже тогда, когда поняли.

21 сентября 2002 г. На следующее утро после поездки вокруг Гаргано.

- А в чём, собственно, проблемы с сексом у вас, если столько разговоров о половом воспитании?

- У меня склонность к мазохизму есть, - Митя заявил. – Давно уже, с тех пор как появился интерес к собственному телу. Этот интерес преобладал даже над интересом к женскому полу, который у меня, можно сказать, практически отсутствовал.

- Ну, и чем это твоё извращение мешает вам обоим?

- Энергию забирает, на Лену не остаётся. С ней я быстро кончаю, а у неё оргазм не наступает.

- Ну, это проблема обычная у молодых. Приспосабливаться надо методом проб и ошибок, экспериментировать. Ну, и литературу читать, слава Богу, этого добра нынче хватает.

- Но основная проблема для нас – это проблема ребёнка. Как вы вообще к этому относитесь?

- К чему – иметь или не иметь детей?

- Да.

- Однозначно – иметь. Хотя дети и не всегда радость доставляют. Лучше запланированно, чем нечаянно, а уж если нечаянно, то тоже ничего страшного. Лучше рожать, чем аборт делать. Аборт – это уж в крайнем случае, когда обстоятельства определённо не позволяют рожать.

- А как вы вообще к абортам относитесь? Это же ужасно, это же убийство живого человека! Как можно? – это Лена вопрошала.

- Считать ли аборт убийством зависит от того, что считать началом жизни человека. Вопрос спорный. На него до сих пор нет однозначного ответа. Одни – например, все католики – считают моментом начала жизни момент оплодотворения яйцеклетки, другие – момент перерезания пуповины, до которого младенец является лишь частью организма матери, поскольку самостоятельно не дышит и не питается.

- Нет, аборт – это ужасно, это убийство. Лучше Митю стерилизовать.

Мы с Сашулей обомлели.

- Это ещё зачем?

- Чтобы обезопаситься от беременности.

- А что, другие способы не годятся?

- Абсолютно надёжных и безопасных способов не существует. Гормональные препараты вредны, презервативы рвутся, менструальная цикличность у Лены часто нарушается.

- А стерилизация безопасна? И возможен ли с ней безопасный секс?

- О, да, конечно, - уверенно заявил Митя. – У нас знакомый есть, он рассказывал о своём опыте стерилизации.

- Что хорошо для знакомого, то другому может быть смерть.

- А разве аборт лучше?

- А что вы так на этом зациклились?

- Дело в том, что это очень серьёзная проблема для нас. Лене рожать чем позже, тем хуже, по словам её гинеколога.

- А рожать сейчас невозможно, поскольку Митя содержать семью, то есть жену с ребёнком в Германии не сможет. Там это очень дорого, и молодым обычно родственники помогают.

- Ну, в России-то сможет, надеюсь, в крайнем случае?

- В России? Смешно.
- А что, в самом деле? Почему бы в Тамбове не родить?
- Это не серьёзно.
- Так что же вы хотите? Отказаться от ребёнка вообще?
- Потом можно будет усыновить.
- А это серьёзно?

- Но сейчас Митя не может полноценно семью содержать. Он вообще тут отличился – проиграл тысячу марок на акциях: это серьёзный человек? Можно на такого положиться? В день свадьбы ничего мне не подарил, ни цветочка даже! Да и вообще наше положение в Германии очень шаткое, мы иностранцы, у нас нет там родственников, которые обычно помогают молодым.

- Но мы-то чем помочь можем? Что от нас-то требуется? Если Митя не может содержать семью, то я тем более не могу его семью содержать: он больше моего зарабатывает.

Продолжение на пляже.

Тут, кажется, разговор и перешёл к конкретной форме требований родительской поддержки – к делёжке нашей калининградской квартиры, которую наши дети к стыду и позору нашему затеяли, кто бы мог подумать!

Митя начал эту бодягу со ссылки на некий майский телефонный разговор с Ириной, в котором она, видимо, впервые высказала свои претензии: ты, мол, Митя у меня прописан, а я квартиру собираюсь приватизировать, следовательно, тебе доля причитается, а ты на Лене женишься, а она потом тебя бросит ради богатого иностранца и твою долю у меня заграбастает, зачем мне это надо? Ты, мол, должен от своей доли в приватизации отказаться.

Митя, однако, решил не уступать и за свои права бороться, хотя прописан в Калининграде, а не в Мурманске он был чисто технически ради близости к Германии, удобной в случае необходимости продления виз и прочих бумажно-волоконных паспортных дел. Я, мол, такой же ребёнок наших родителей, как и ты, и имею такие же права.

Вот отсюда-то – понял я, наконец, - и пошли все Митины разговоры о равноправии детей, о равных стартовых условиях («дабы не вносить раздора между братом и сестрой» - а мы-то с Сашулей не могли понять, о каком раздоре может идти речь! Раздор-то, оказывается, уже был!)

Ну, и пошло-поехало дальше.

Митя с Ириной продолжили начатый, видимо, тогда по телефону спор о правах – кому больше причитается, кто больше заслужил, кому повезло, кому нет, и т.д., и т.п.

Ирина налегала на то, что Митя несравненно больше зарабатывает, а у неё никаких возможностей много заработать нет даже частной практикой, поскольку клиенты все бедные, а Митя напирал на то, что у них в Германии расходы несравненно больше, а квартиры у него своей нет, и купить её там у него реальных возможностей нет, а эту квартиру здесь в Тамбове они на Ленины деньги покупают. И у Ирины уже есть дети, а они с Леной не могут себе позволить их завести.

Я пытался встрять в спор:

- Но, Митя, наличие детей у Ирины как раз даёт ей преимущество, если на уж на то пошло, в части имущественных прав. Попробуй-ка вырастить двух парней, одному Михаилу сколько одежды и кормёжки надобно, да ещё с таким первым мужем сумасшедшим, как Дима, да ещё суметь вуз при этом закончить – спасибо, конечно, маме Сашуле. А вы с Леной и на одного-то ребёнка решиться не можете.

И тут Митя выдал пенку:

- Так кто же имеет преимущество? Тот, кто детей рождает не задумываясь, или тот, кто думает, прежде чем на это решиться?

Прозвучало это как упрёк Ирине в легкомыслии, ветрености даже, что, конечно, её обидело, а меня разозлило. Ирина раскраснелась, как обычно в таких случаях, и завопила на грани истерики:

- Что ты знаешь о том, как я детей заводила? Думала – не думала! Меня просто изнасиловали! Это Дима никогда ни о чём не думал!

- Что же ты после этого с ним осталась и за него замуж пошла?

- Потому что любила! А потом считала, что я теперь обязана за него замуж идти, кто меня такую возьмёт?

- Какая ерунда! – вмешалась Лена. – Как такое возможно? Как можно иметь такие представления о жизни, браке, любви?

- Но в то время именно такие представления, шедшие от старины, и преобладали! – заметил я.

- Какая глупость! – опять Лена не удержалась.

- Да, вы вообще меня за дуру считаете! Наплодила как кошка детёнышей и на что-то претендует!

- Действительно, Митя, это же оскорбительно звучит по отношению к Ирине!

- Тут никто никого не оскорбляет! – оскорбилась Лена.

- А что касается квартиры, то это моя квартира! – разошлась Ирина. – Я имею её по праву прописки! Я – ответственный квартиросъёмщик!

- Это родителей квартира, - заметил Митя.

- Нет, моя! Им её дало государство, а теперь все права на квартиру мои, родители давно там не прописаны! Но, если ты хочешь, Митя, я тебе твою долю деньгами выделю...

Тут уже я не выдержал.

- Квартира, конечно, моя. Я её заработал, как и квартиру в Мурманске. Ирину с детьми я не собираюсь из квартиры выгонять и против приватизации квартиры Ириной ничего не имею против, поскольку наша мурманская квартира приватизирована нами, а две квартиры я приватизировать не могу. Но делить калининградскую квартиру между детьми я не собирался, не думал, что уже пришло время. А вы тут сами делёжку устроили позорную, срам какой, меня не спросив, не поинтересовавшись даже, а сколько времени родители собираются ещё в Мурманске жить, и куда им с Севера возвращаться. Хороши детки!

А что касается родительской поддержки, которая Мите с Леной нужна, то я так и не понял, какую конкретно помощь от нас ожидают, если Митя не может содержать семью, то есть неработающую Лену с ребёнком, в Германии, а я уж тем более не могу их содержать.

- Дело не в материальной поддержке, - опять занудил Митя.

- А в чём тогда?

- В отношении.

- Так чем вам наше отношение не нравится? Может, вы решили, что я Ирине квартиру отдал, а вам вот ничего не досталось? Так я ей ничего не отдавал! Рано начали делить! Прошлые обиды не можете забыть? Так мы вроде бы закрыли те ситуации. Слова всякие, что мы Леночку любим, как дочь, уже и письменно, и устно не раз произнесены, чего их зря повторять? Ну, вот, пожалуйста, ещё раз повторю – любим! Но это не значит, что не будем реагировать на то, что нам не нравится. Вы же реагируете, и очень болезненно даже! А кто кого и как на самом деле любит – жизнь дальнейшая покажет, любовь не словами доказывается, хотя женщины, известно, любят ушами. Давайте на этом закончим, сил никаких нет уже, пять часов утра!

И добавил:

- Ну, детки, устроили вы мне ночку! Будет что в «Записках» описать.

23 сентября 2002 г., на пляже, Лидо дель Соле

Вот теперь пишу и сил никаких нет описать всё в деталях, столько сумбура, столько эмоций!

Уйдя в комнату, отведённую для нас с Ириной, мы с Сашулей в постели делились впечатлениями от встречи с детьми. У Сашули это была уже не первая нелёгкая ночь, такое уже было по её приезду в Тамбов, и тогда она не могла понять, что же Митя с Леной от нас хотят, да и сейчас не очень понимает.

Мы с ней были согласны в том, что инициативы всех претензий идут от Лены, которая заставляет Митю выяснять отношения с родителями, и Митя старается ей угодить, но как-то у него не очень получается.

Ирина тут со своей кровати в очередной раз начала бочки на Лену, а заодно и на Митю катить, но я её осадил:

- Ты бы, голубушка, помолчала теперь. Тоже хороша: квартира, мол, твоя и по такому праву, и по сякому..! А моё, интересно, что?

На это Ирина ответила, что она устала, ей всё надоело, и она домой к Ване хочет. И уснула. А я так и не смог уснуть вообще, хоть и наглотался всяких таблеток.

Сашуля, кстати, рассказала мне про наши доллары (1900), которые она привезла Мите с Леной в качестве своего обещанного подарка, но Митя их пока не взял, он, мол, хочет понять – это совместный подарок от нас или только от мамы, почему без папы она их передаёт, и как-то не так, не торжественно это делает.

- Пошёл он в баню, всё ему не так! – выразился я по этому поводу.

Утомлённые ночью, все спали, а я отправился побегать – по Коммунальной налево прибежал к вокзалу, оттуда по эстакадному мосту выбежал снова в центр и вернулся по Интернациональной домой. Взял дома кошелёк, узнал, где ближайший газетный киоск и сбегал за «Спорт-экспрессом», узнать, как «Зенит» сыграл в Москве с «Торпедо», когда мы с Ириной гуляли. Оказалось, 1:1.

После позднего завтрака мы с Митей отправились на рынок за очередной порцией недостающих частей монтируемого саноборудования, и я продолжил вчерашний разговор с тем, чтобы уточнить позиции без оглядки на Лену.

- Давай, Митя, по порядку ещё раз пройдемся по всем пунктам. Первый – наша помощь, в чём конкретно она нужна?

- Материально – не нужна. Нужно хорошее отношение. Вот как Ленины родственники – это совсем простые люди – к нам относятся: сердечно, по-доброму, абсолютно непредвзято, принимают такими, какими мы есть, всем помочь готовы...

- Чем же наше отношение от ихнего отличается?

- Вы условия всякие ставите, какими надо быть, поучаете...

- Но как же без этого? Или Лена на дух никакую критику не переносит?

- Она очень чувствительна к несправедливости. И очень в себе уверена.

- Ну, и я такой же, но ведь нормально на критику реагирую, спокойно.

- Не всегда.

- Ну, ладно. Может быть. Теперь далее. О ребёнке. Чего вы от нас хотите, если Лена утверждает, что ты не можешь содержать семью? Я должен содержать?

- Мы просто сами не знаем, как быть в нашей ситуации, вот советуемся. Знаем теперь вашу позицию в отношении необходимости иметь детей, и в отношении аборт.

- А почему вопрос так остро ставится именно сейчас? Может, Лена уже беременна, и вы решаете – рожать или делать аборт?

- Нет, Лена не беременна.

- Ну, слава Богу. Теперь насчёт стерилизации. Митя, я тебя умоляю, это тот случай, про который говорят – семь раз отмерь. Ты на 100% уверен, что при этом возможна нормальная половая жизнь, включая оргазм, и что потом эту стерилизацию можно будет гарантированно отменить?

- Да, уверен. Но мы, конечно, будем ещё консультироваться.
- Хорошо. Следующий пункт – доллары, которые мама привезла. Это её подарок, который она пообещала в одном из своих писем. Почему ты его не взял?
- Мама меня отзвала в сторонку и стала деньги совать, мне это не понравилось. Почему тебя не подождать?

- Но я к этому подарку не могу присоединиться. Я не считаю необходимым в этой ситуации делать такие подарки. А тебе не советую эти деньги принимать как подарок – получится, что вы его как бы выцыганили, ведь маме в голову пришло эти деньги вам подарить после ваших упрёков в недостаточном к вам внимании. Я тебе предлагаю эти деньги взять не в подарок, а в бессрочный и беспроцентный долг. Это, на мой взгляд, наилучший выход в данной ситуации. Вам ведь нужно рассчитаться с долгами, взятыми на покупку квартиры. Вот и используйте эти деньги, а для нас это будет просто удобный способ хранить какую-то часть денег, зная, что в трудную минуту мы можем, в крайнем случае, обратиться к вам за этими деньгами, а вы будете знать, что эту сумму вы для нас в любой момент должны будете найти.

- Неужели вы думаете, что мы и так вам не поможем в трудную минуту? Значит, не доверяете. Вот это и есть ваше отношение к нам.

- Митенька! Конечно, не доверяем! А как же можно доверять вам, если вы не в состоянии ребёнка завести? Как же можно на вас полагаться, если вы сами на себя положиться не можете? При том, что я, например, отнюдь не считаю, что ты не можешь содержать семью, а Лене поэтому нельзя рожать. Просто всё зависит от того, на каком уровне потребления содержать. Конечно, на том, к которому вы привыкли в последние годы, - трудно. Но это же не значит, на мой взгляд, что вообще нельзя поэтому заводить ребёнка.

И последнее. Уступи Ирине. Сделай так, как она хочет. Пусть хоть она одна успокоится, утомится, а то, видишь, как она переживает.

- Но это же несправедливо! Она ни о ком не думает кроме себя, в том числе и о родителях! В воспитательных целях хотя бы ей не следует уступать.

- А ты уступи. И вот что я тебе скажу, а ты ей скажешь. До сих пор я не думал о завещании. Казалось, всё просто – есть прямые наследники – жена, дети, а уж они меж собой разберутся. Теперь же, поглядев на вашу с Ириной делёжку моей квартиры при живом родителе, я не уверен, что не следует заранее самому позаботиться о завещании. И чтобы ты не чувствовал себя обделённым, если уступишь Ирине, я учту это в завещании. Моё завещание будет зависеть от того, как вы выйдете из этой ситуации. Кто поведёт себя достойнее, тот получит больше. Советую тебе уступить – не прогадаешь.

В Тамбове, 12 сентября 2002 г.

Тут около дома нам встретилась Лена, и разговор нам пришлось прекратить. Но я уже сказал всё, что хотел, а Митя в самом начале сегодняшнего разговора сказал, что они с Леной в целом наше отношение к ситуации поняли, а что не поняли – прояснится в дальнейшем.

После спокойного позднего обеда я ходил в бар на Интернациональной смотреть футбол «Спартак»-«Локомотив» (1:1) с пивом, поскольку кабель старой ТВ антенны в доме вышел из строя, а новую антенну как раз только собирались установить. Возвращаясь из бара, встретил у дома всю компанию, отправившуюся гулять, и присоединился к ней.

Заходили в Лингво-математический лицей, расположенный рядом с красивым собором в центре, который заканчивала Лена. Её фамилия там красуется на Доске отличников в вестибюле. Ирина наша по дороге, пока гуляли, по поводу Лены вся злостью исходила, вспоминая некоторые её вчерашние высказывания. Когда же домой вернулись, я дочери сказал то же, что и Мите до обеда по поводу квартиры – кому она принадлежит юридически и нравственно – и о завещании.

Тут с Ириной случилась истерика.

- Вам всё только – как будешь себя вести! И деньги – только в долг! – рыдала она. – Вы всю жизнь меня топтали!

Сашуля пыталась её успокоить: - Ну, доченька...

На что Ирина взорвалась: - Какая я вам доченька!?

Сашуля только и смогла на всё это сказать: - Нет, Ваня – святой!

Нас в это время уже ждали на кухне к ужину, и я прервал разговор. Ирина к ужину не вышла, что было уж совсем дикостью, но тактичные хозяева и виду не подали, что с Ириной что-то ненормальное происходит. Так что ужин прошёл спокойно, если не считать, что нас с Сашулей покорило Леночкино высказывание о своей матери, которая как-то в детстве её, мокрую, после бани крапивой отстегала:

- Она же садистка, бешеная у нас!

На что Лидия Анатольевна как-то странно улыбнулась, застенчиво: да, мол, вот такая я на самом деле. Из всей собравшейся в её доме компании она выглядела самой спокойной и доброжелательной.

Утро следующего дня, **13 сентября**, было ясным. Я бегал по набережной Цны направо, но так и не добежал до её конца. Река и набережная показались мне очень симпатичными в это чудесное утро, и бегалось неплохо, невзирая на мои повреждённые кроссовками и босоножками ступни.

После завтрака я по просьбе Лены перебирал инструменты и хлам на полках в туалете, сортируя – что выкинуть, а что может ещё пригодиться в хозяйстве. Неожиданно меня пригласили к телефону.

Оказалось, что это Аллочка Ляцкая с Олегом Мартыненко из Петергофа меня уведомляют, что Олег прошёл и семинар лаборатории, и кафедру, где его поклевали за преобладание программирования над геофизикой в диссертации, но к защите рекомендовали, хотя над выступлением ещё надо работать. Олег не захотел форсировать защиту в октябре и согласился на декабрь, когда Пудовкин и Зайцева вернутся из Австрии.

Ну, слава Богу, хоть тут радостные вести! Неужели в самом деле до защиты Олег дело своё доведёт многострадальное?

Потом с Леной тет-а-тет изъяснялись. Первый вопрос у неё был:

- Что с Ириной?

- Ничего особенного. Я ей выволочку устроил за её заявления по поводу квартиры, вот она и впала в истерику. Вы уж извините нас, пожалуйста, за выходы нашей дочери. Но вот так вот мы её воспитали, теперь расхлёбываем кашу, пожинаем плоды. Понимаем, как вам это неприятно. Поймите и вы – как нам за неё стыдно. А

дело всё в том, Леночка, только это конфиденциально, что Ирина в ваш брак с Митей не верит, считает, что Митя для вас временное прибежище, до тех пор, пока богатый иностранец не подвернётся. А вы потом с Митей разведётесь и часть квартиры у неё оттяпаете.

- Но чего тут конфиденциального? Она сама мне это открытым текстом говорила. В жизни всякое, конечно, может случиться, но зачем же на худшее ориентироваться? Это есть такое понятие – самосбывающееся пророчество. Надо бороться за лучшее в любой ситуации, в том числе и за добрые отношения в нашей общей теперь семье. Я предпочитаю быть той лягушкой, которая дрыгает лапками, угодив в кувшин с молоком...

- Я тоже. В этом мы с вами единомышленники.

- А к брату у Ирины странное отношение. Вот хотя бы – он на Новый Год приезжал, тащил огромный чемодан с кучей подарков, в городе слякоть, транспорт плохо ходит, а его никто не встретил даже! Разве это нормально?

- Да уж...

Ну, а что тут что скажешь?

Потом Лена рассказывала мне про отца, который страдал от какой-то ушной болезни, очень мучился в последние годы, с расстройствами психики; про мать, которая практически не зарабатывает денег в шляпном ателье, где числится, - нет клиентов, ей приходится полностью содержать мать, на которую положиться совершенно нельзя, она тут в одиночку алкоголем стала злоупотреблять, как бы не спилась...

Я забыл упомянуть о том, что Митя меня, ещё когда я был в Мурманске, по телефону предупредил, что они не предлагают никому алкогольных напитков у себя в доме.

- Сухой закон, что ли? – изумился я.

- Да, если хочешь, - так, - ответил Митя, и это, конечно, не прибавило мне желания ехать в Тамбов. Я тогда подумал, что это с моими привычками связано, а вот, похоже, что это из-за Лидии Анатольевны. Всё равно глупо. Они уедут и что? Кто за ней следить будет?

Далее Леночка рассказывала о себе, о том, что родители непустили её в Москву на учёбу из-за отсутствия средств, пришлось и работать, и учиться, и вот она выиграла грант на учёбу в Германии – это она как лягушка лапками выдрыгала.

И вдруг вопрос ко мне:

- А каковы ваши планы на будущее? Сколько вы собираетесь ещё жить в Мурманске? Мы знаем, что вы влюблены в свою работу, но всё же – это север. Не купить ли нам вскладчину для вас квартиру в средней полосе?

Я рассмеялся.

- Ребята, вы свои проблемы решайте – с сексом, ребёнком, гражданством, работой и прочее. Нам от вас ничего пока, слава Богу, не надо. Что же касается наших планов, то как и всюду, всё в деньги упирается. Зарабатывать что-то я могу только в Мурманске, если в Штаты не позовут, а сам я не очень-то туда рвусь – не тот возраст, не те силы, здоровье, энтузиазм... В Мурманске жить, конечно, не просто, особенно зимой, особенно в первую её половину – с ноября по январь. Конечно, надо перебираться, как все пенсионеры поступают, куда-то южнее. Я бы предпочёл Сестрорецк – родину моей мамы. Иметь там скромное жильё, компьютер, интернет – это предел моих желаний. Там у меня тётюшка Тамара живёт, вдова моего любимого дядюшки Вовы, младшего брата моей мамы. У неё есть часть (две трети) участка и дряхлого дома в очень хорошем месте на берегу озера Разлив. Вот там бы выкупить весь участок и дом и что-то на этом месте соорудить – было бы здорово. Но вряд ли реально. А пока просто надо деньги зарабатывать, пока силы ещё есть.

В то время как мы уединённо беседовали с Леной, Ирина, слегка уже пришедшая в себя, сходила в магазин и купила в подарок Мите и Лене электрический чайник, которого в квартире явно не хватало (старый поломался). Митя уговорил её не уезжать сегодня (Ирина хотела сдать билет, взятый на следующий день, и поменять его на сегодняшний – что я тут буду делать?).

Затем началась процедура вручения подарков от Мити с Леной Ирине и её детям и нам, включая всякие полезные мелочи в дорогу – наборы шоколадок, разных мультивитаминных таблеток для изготовления шипучих напитков и пр. Дошла очередь и до наших долларов несчастных, которые я Мите рекомендовал не брать как подарок, а он не хотел их брать как ссуду, Сашуля же вообще почти плакала, что у неё эти деньги не берут.

В Тамбове, 13 сентября 2002 г.

Я как-то не учёл такую её возможную реакцию, когда советовал Мите не брать деньги как подарок, и начал теперь уговаривать взять их хоть так, хоть эдак – хоть как подарок от мамы, а за мной останется, хоть как ссуду бессрочную, вот только нам бы сотни три евро на всякий случай прихватить – вдруг карточку кредитную потеряем, а у нас наличности всего двест евро.

Короче, уговорили наши доллары взять в обмен на триста евро, хотя Митя и бормотал, что так это не делается – и не в то время, и не в том месте, и не в той форме, засранец тоже, всё ему не так. Мы вот триста евро взяли с удовольствием.

Пришло время последних сборов – вечером в Москву, а утром в Неаполь. Тут мы начали терять, искать и находить свои вещи в царившем беспорядке ремонта одной и распродажи мебели из второй квартиры. Положим что-нибудь на столик, а его уже вынесли, и всё, что там лежало, в одну кучу куда-нибудь стребли. С ума сойти можно, то одно теряем, то другое. Но вроде бы, в конце концов, всё нашли, сложили в чемодан и в мои две сумки, отправились на вокзал, распрощавшись дома с доброй Лидией Анатольевной. Митя с Леной и Ирина проводили нас до поезда. С Ириной в этот день я ни словом не обмолвился (а с Леной и Митей она разговаривала о чём-то), только поцеловал её в щёчку перед посадкой в вагон.